

**Д. Пронин, Г. Александровский, Н.
Ребиков**

Седьмая гаубичная

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Пронин**
Седьмая гаубичная / Д. Пронин, Г. Александровский, Н. Ребиков – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 224 с.

ISBN 978-5-458-67767-7

ISBN 978-5-458-67767-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Посвящается памяти техъ, кто не споря о политических программах, стал с оружием в руках на защиту чести Родины против красной неволи и пал в борьбе.

А в т о р ы

ВСТУПЛЕНИЕ.

Видя разруху и гибель любимого Отечества, многие русские люди, в том числе и юноши, вступали в ряды Добровольческой Армии на Юге России в надежде спасти свою Родину. Автор „Записок Дроздовца-Артиллериста” Дмитрий Федорович Пронин поступил прямо со школьной скамьи добровольцем в 3-ю гаубичную батарею 3-го Артиллерийского Дивизиона, впоследствии развернувшегося в Дроздовскую Артиллерийскую Бригаду.

Уже находясь за пределами России, Д. Ф. Пронин написал ряд интересных очерков о боевой страде и жизни своей части. В них автор правдиво и объективно запечатлел все пережитое и виденное им.

К сожалению, до настоящего времени еще не полностью поняты смысл, цель и ценность Белого Движения. При изобилии клеветнических и тенденциозных описаний Белой борьбы, в особенности в СССР, правдивый труд Д. Ф. Пронина послужит ценным вкладом в историю гражданской войны 1917-1920 гг.

Труд Д. Ф. Пронина будет особенно полезен для молодого поколения, нашей смены, которая почерпнет в этих очерках дух подлинного русского патриотизма, истинной любви к своему Отечеству и безграничной жертвенности во имя Родины.

Читая очерки Д. Ф. Пронина, невольно вспоминаются слова любимой песни Добровольцев, начинающейся словами:

Пусть свищут пули,
Льется кровь...
и в которой поется дальше:
Для блага Родины своей
Забудем все на свете
.....
Сумеем честь мы отстоять,
Иль умереть со славой.

И это не простые слова из песни — они закреплены кровью и жизнью многих Добровольцев, пролитой и отданной ими—
во имя Святой Руси.

Генерал-Лейтенант В. Витковский,
Начальник Дроздовской Стрелковой Дивизии
с февраля 1919 г. по июль 1920 г.

Димитрий Пронин
ЗАПИСКИ ДРОЗДОВЦА-АРТИЛЛЕРИСТА

ДРОЗДОВЦЫ.

Мрак ночной всё темнел и сгущался,
Путеводных лишившись огней,
Над собою народ насмеялся,
Насмеявшись над Верой своей.

И тогда, против тьмы и насилья,
Среди трусости, лжи, клеветы,
Расправляя могучие крылья,
На борьбу полетели орлы.

Г. П.

Казалось великий народ потерял самого себя.
Везде была растерянность и смятение.

Осыпанные Императорской Россией всеми возможными почестями и наградами, командующие армиями и фронтами, одни нацепляли на себя красные банты и заискивали перед писарями своих канцелярий, другие совершенно растерялись, а некоторые оставались просто выжидающими зрителями надвигающихся грозных событий.

Попытка выйти из заколдованного круга — движение Корнилова, казалось, потонула в неразберихе и провокации.

Страшная тень торжествующего интернационального коммунизма нависла черной пеленой над несчастной Страной.

В это время безысходности, в донских степях, загорелся огонёк веры в свой Народ и Родину, зажженный Алексеевым и Корниловым. Для поддержки этого огонька по почину малоизвестного командира пехотного армейского полка, Михаила Гордсевича Дроздовского, на румынском фронте, в Яссах, сформировался отряд, состоявший из людей, предпочитающих смерть с оружием в руках за Честь своей Родины приспособлению и приноравливанию к обстановке, созданной ходом революционных событий.

Сначала в отряд записалось около 30.000 человек. Вышло же с Дроздовским из Румынии в поход меньше двух тысяч. Но они пошли.

Неудача под Ростовым, смерть полковника Войноловича и в дальнейшем полковника Жебрака под Белой Глиной и,

наконец, потеря начальника дивизии, раненого под Ставрополем и умершего в госпитале в Ростове, не поколебали их духа. Так велика была сила порыва.

Новые люди, новые добровольцы вливались в дивизию. И казалось — дух убитых бойцов шел в бой вместе с пополнениями.

**

Донецкий бассейн. 3-ья пехотная дивизия генерала Владимира Константиновича Витковского. Батальоны 2-го офицерского стрелкового полка капитанов Туркула, Харжевского, Манштейна.

Наступление.

Харьков. Бело-малиновые фуражки. Буква „Д” на погонах.

Богодухов, Сумы, Ворожба, Льгов, Дмитровск, Севск, Камаричи, Кромь. Везде и всегда дроздовцы те же.

В полки вливаются пополнения из пленных красноармейцев. Что-то необычное было в дроздовских частях: после нескольких месяцев пребывания в строю, бывшие красноармейцы с гордостью говорили, что они — дроздовцы и с честью оправдывали это в боях.

И столь же стремителен, столь же сокрушающ оставался удар атакующих дроздовских частей. Отборные силы большевиков: латышские дивизии, кавалерия Буденного, всё бросятся на участок дивизии.

Но вот уже нет фронта. Всё покатило назад. Фланги открыты. Со всех сторон окружена дивизия. Как раненый лев, нанося удары и сокрушая красных, где они только попадают по пути, отходит на юг дивизия. Прорвавшись из полного окружения, дроздовцы привозят с собой большее количество орудий, чем было в начале операции. Орудия забраны у окружавших их красных частей.

Добровольческая армия катится дальше на юг. В отступающей армии начинает колебаться дух. Только одна, в числе немногих частей, Дроздовская дивизия отбивает зарвавшихся красных, где бы не вошла с ними в соприкосновение.

Рождество 1919-го года. Бой под Мокрым Чалтырем, на подступах к Ростову. Красные опять отброшены на десятки верст на участке дивизии.

В тылу у дивизии Буденным взят Ростов. По льду только-что замерзшего Дона у Гниловской переходят Дроздовцы. Горит Гниловская.

Земляные валы Азова, помнящие Великого Петра, становятся крепостью, о которую опять разбиваются все атаки, все волны наступающих большевицких войск, упоенных своими последними удачами.

В штабе 1-ой Конной Армии военный совет. Присутствует командующий фронтом Климентий Ворошилов. Встает Буденный, стучит кулаком по столу, кричит на Ворошилова:

— „Что же это, Клим, ты нас всё на Азов посылаешь в лоб, а белые нас в морду и в морду. Ты нам манёвр давай!”

Проходят два месяца боев. Добровольческая армия начинает отход по Кубани. На дроздовцев ложится опять самая тяжелая задача: прикрывать отход армии к Новороссийску.

Находясь в арьергарде, отбивая непрерывно нападающего противника, отходят дроздовцы через Крымскую, Неберджайскую на Новороссийск.

**

После эвакуации из Новороссийска в Крым, приведенные в порядок дроздовские части сразу же идут в десантную операцию под Хорлы, под командой начальника Дивизии генерала Витковского. Пробившись через фронт красных, они возвращаются на Перекоп и привозят с собой отбитые у противника орудия и пулеметы. Десант под Хорлами показал, что части Добровольческой армии способны опять наносить удары врагу.

25 и 26 мая 1920 г. на Перекопе Дроздовцы опрокидывают и уничтожают подошедшие из резерва отборные латышские дивизии красных, открывая этим дорогу в Северную Таврию.

Аскания Нова, Фридрихсфельд, Андебург, Токмак, Гейдельберг, Орехов, Александровск, Синельниково, Михайловка. Безпрерывные бои.

Широко раскинулись степи Северной Таврии. Половецкие степи. Курганы на горизонте.

И преградиша поганые степь криком,

А хоробри Русичи червленны щиты,
вещает певец „Слова о Полку Игореве”.

Облака пыли. Несется с криком, атакует кавалерия Жлобы; куда не кинешь глазом — скачут, несутся всадники, кажется сама степь движется.

Как тогда, в эти давно забытые времена седой старины, стоят против них за честь Руси пешие воины с бело-малиновыми погонами, в сомкнутом строю, с орудиями между взводами.

Скрипит песок от пыли на зубах. Черные, загорелые от солнца и порохового дыма лица. Отрывистые слова команды. Дружные залпы. Громоздятся перед сомкнутыми рядами дроздовцев трупы коней и всадников.

Нет той силы, которая могла бы сломить эту дивизию. Всё новые и свежие дивизии красных прибывают с поль-

ского фронта. Брошены на юг красные венгры, латыши, китайцы, школы ленинградских курсантов. Дивизия в боях — безмерно.

Генерал Врангель с представителями иностранных армий устраивает в Фридрихсфельде смотр дивизии, перебрасываемой с одного участка фронта на другой. Запыленные, некоторые с кровавыми повязками, покрытыми грязью, проходят дроздовцы. Около Главнокомандующего стоит начальник дивизии генерал Туркул. Переглядываются представители иностранных миссий.

— „Здорово орлы!”

— звучно раздается голос Главнокомандующего. Не было других слов приветствия у ген. Врангеля для этой дивизии. Дроздовцы опять идут в бой.

Начинается общий отход. Всё также стойко дерется дивизия. Перекоп. Юшунь.

Последний бой. И здесь в момент крушения-славные страницы. Первый Дроздовский полк полковника Чеснокова. Недавние красноармейцы, а по существу несравненные русские солдаты, проникнувшиеся жертвенным патриотическим духом боевой Дроздовской дивизии, выносят своего раненого командира из боя, отбив контратакой красных.

Разные бывают поражения и некоторые из них славнее победы. „Слава побежденным!”

*
*
*

Лагерь Галлиполи. Одной из первых подтянувшихся и оправившихся частей была Дроздовская дивизия, сведенная в полк.

Приезд генерала Экка по поручению Главнокомандующего. Смотр.

— „Такие части я видел только в царствование покойного Государя Императора Александра Александровича”, — говорит после смотра высокий седой генерал с орденом Св. Георгия третьей степени на шее.

Остатки армии покидают Галлиполи.

Окруженный интригами и предательством в эмигрантской среде и ревнивым недоброжелательством иностранных разведок, генерал Кутепов пытается продолжать борьбу и на территории Советского Союза.

Вспоминая одного из лучших офицеров первого Дроздовского полка, капитана Трофимова. Перед самым переходом им советской границы я имел возможность предупредить его о предполагаемом предательстве со стороны иностранной разведки.

Но скромный и храбрый капитан Трофимов только ответил:

— „Я имею приказ”.

Через несколько дней к числу погибших Дроздовцев присоединился и он. Рыцарь, привыкший сражаться с поднятым забралом, не подошел к роли конспиратора.

Нет теперь дроздовских частей. Но сохранился их дух. Живет он и теперь среди дроздовцев в рассеянии сухих.

Вспоминая всех погибших за Россию в 650 боях дивизии солдат, офицеров и самого генерала Михаила Гордеевича Дроздовского, скажем словами карпаторусской песни:

Не надо ни плача, ни слез мертвецам,
Дадим мы им больший почет,
Шагаем без страха по мертвым телам,
Несем мы их знамя вперед.

ЗАВОДНЫЕ КОНИ.

Воин на коне — это поэма, поэзия войны.

Многие помнят, как в крестьянских хатах, на стене, вместе с лубочными картинками, висела фотография хозяина во время его пребывания на военной службе. Ловкий местечковый фотограф часто имел заранее заготовленную аляповатую картинку огнедышащего коня, около которого рвались снаряды, а на нем, с палашем в руке, в гусарском доломане, красовался снимавшийся солдат. В прорезанное отверстие помещалось только лицо. Никакого значения не имело, что в действительности хозяин служил кашеваром двухсотого с чем-то пехотного полка, да еще „тринадцатой” роты. Мог он быть также и санитаром, но огнедышащий конь спасал положение и закреплял за ним славу отважного воина.

Это, конечно, лубок. Но вспомним картины французского баталиста Мессонье. Это настоящий гимн коннице, особенно в момент порыва, в атаке. Например, нельзя забыть картину Мессонье, называвшуюся кажется: „Да здравствует император!”

На холме стоит Наполеон, а внизу карьером несется французская кавалерия. Приподнявшись в стремени, с поднятыми палашами, полуобернувшись к императору, в своих кирасах они представляют одну могучую несущуюся живую лавину. Насколько помню, картина изображала атаку французской конницы под Ватерлоо.

В нашу эпоху пулеметов, танков, аэропланов часто говорят, что конница отжила свой век. Но последняя война, особенно на восточном фронте, показала, что даже крупные кавалерийские соединения, поддержанные достаточным количеством танков, благодаря своей подвижности, играли значительную роль в маневренной войне.

В русской литературе имеются такие непревзойденные шедевры, как атака кавалергардов под Аустерлицем в „Войне и Мире” Л. Н. Толстого и описания кавалерийских боев в первую мировую войну в книгах генерала П. Н. Краснова.

Я сейчас не собираюсь изображать внушительную красоту несущихся с топотом кавалерийских полков, а просто хочу поделиться своими воспоминаниями из времен гражданской войны на юге России.

В артиллерию я попал случайно. Еще более случайно, судьбе было угодно, чтобы я оказался в легко-гаубичной батарее.

Как тысячи других, я пробирался на Дон к Корнилову. В конце 1918-го года Добровольческая Армия начала занимать Донецкий бассейн. Добравшись до Юзовки, мы с братом явились в вербовочное бюро.

Он, как юнкер Николаевского Инженерного училища, был зачислен в броневой дивизион. Я просил зачислить меня в Корниловский ударный пехотный полк. Но полк оказался где-то под Минеральными Водами. Принимавший нас офицер сказал, что, конечно, они могут отправить меня туда, но, так как корниловцы также должны прийти в Донецкий бассейн, мне лучше подождать несколько недель. Ждать мне не хотелось и я попросил зачислить меня в какую-нибудь часть, находившуюся здесь, чтобы попасть скорее на фронт. Офицер почему-то решил послать меня в артиллерию, сказав, что имеет требование на людей от артиллерийского дивизиона.

Написав препроводительную записку, он направил меня на станцию, где в вагоне находился командовавший артиллерией 3-ей пехотной дивизии, полковник Мальцев.

Полковник, в коричневой черкеске, взглянул на бумажку, на меня, опять на бумажку и изрек:

— „Ново-Александрийский ветеринарный Институт. Прекрасно. В 3-ью гаубичную батарею”, — при этом он сделал отметку на моей бумажке.

— „Ново-Александрийский Институт — не ветеринарный, а сельскохозяйственный и лесной”, — попробовал я поштатски возразить полковнику.

— „Это всё равно — 3-ья гаубичная батарея”.

Когда я выходил от полковника, то у меня в душе была некоторая обида за свой институт, тем более, что в ветеринарный принимали даже окончивших духовную семинарию и без всяких конкурсных экзаменов.

К командиру батареи привел меня писарь-армянин, которого я застал в канцелярии. В комнате, куда мы вошли, было страшно накурено. В волнах густого дыма можно было различить нескольких офицеров, которые сидели на табуретках. Один из них сидел босиком на кровати. Мо-